

ПРОЛОГ

*Ставка Верховного
главнокомандующего. 10 июля*

Ровно в десять часов вечера маршал Конев прошел в приемную Сталина и, сдержанно поздоровавшись с Поскребышевым, сидевшим у дверей за своим столом, спросил:

— Верховный у себя?

— У себя... Идет оперативное совещание Ставки, — негромко сообщил Поскребышев. — Товарищ Сталин просил вас немного подождать.

Иван Степанович понимающе кивнул и присел на стул подле окна. За прошедшие две недели маршал трижды побывал у товарища Сталина в Ставке. Первые две встречи состоялись практически сразу после вступления Второго Украинского фронта на территорию Румынии. К сожалению, углубиться и развить дальнейшее наступление не удалось. Немцы смогли усилить группировку танковой дивизией «Великая Германия» и провести контратаку. Под контроль был взят на северо-востоке Румынии небольшой городок Тыргу-Фрумос.

По данным военной разведки, в настоящее время немцы успешно укрепляли северо-западные и северо-восточные рубежи.

Последняя встреча с Верховным состоялась пять дней назад, на которой обсуждалась возможность дальнейшего наступления.

В этот раз причину вызова к Хозяину Поскребышев не сообщил, и маршал Конев не без основания полагал, что Верховный будет требовать более активных действий на фронте. У Ивана Степановича имелись серьезные контраргументы, сводившиеся к тому, что прорвать усиленную линию обороны в данный момент не представлялось возможным: армии были истощены, и требовалась основательная перегруппировка сил. Немцы в последние месяцы действовали весьма взвешенно, смекалисто, и Второму Украинскому фронту стоило немалого труда, чтобы избежать вероятного окружения. Ударить следовало там, где они меньше всего ждут, — на вспомогательных яском и кишиневском направлениях, что отвлечет их от главного удара по левому берегу реки Сирет на Бечешти.

В папке у Конева, лежавшей на коленях, имелся четко разработанный план перехода от вынужденной обороны к стратегической наступательной операции.

На доклад к Сталину следовало приходиться тщательно подготовленным, не упуская крошечных деталей. Мелочей для Верховного не существовало, он любил вникать в тонкости, требовал от каждого докладчика наиболее полной картины происходящего на последний час, ясности обстановки, точного ответа, а потому весь предыдущий день маршал Конев просидел с начальником штаба, подготавливая исчерпывающие записи.

Даже при самом скрупулезно выверенном докладе каким-то невероятным чутьем Сталин всегда находил наиболее слабые места, останавливался именно на них и требовал обстоятельного ответа. Обладая невероятно цепкой памятью, Иосиф Виссарионович помнил малейшие детали каждой военной операции, и спорить с ним было крайне затруднительно. Верховный принимал только разумные и четко обоснованные аргументы. Непроверенная информация не допускалась.

Открыв папку, маршал Конев почувствовал, что слегка взволнован. Перелистывал расчерченные страницы, освежал в памяти номера подразделений, расположение отдельных, даже малозначительных подразделений.

Телефон, стоявший на столе Поскребышева, прозвенел резко и назойливо, заставив марша-

ла оторвать взгляд от разложенных бумаг. Подняв трубку, секретарь произнес лишь короткую фразу:

— Да, товарищ Сталин, — а потом, выслушав ответ, аккуратно положил трубку на рычаг. — Проходите, товарищ Конев, вас ждут.

Маршал молодецкато поднялся и, распахнув дверь, вошел в просторный кабинет Сталина. Комната светлая, аскетичная, безо всяких излишеств и вычурного декора. В ней было только самое необходимое, что нужно для полноценной работы. В качестве украшений — стены, обшитые мореным дубом, вносящие в кабинет разумный контраст с белоснежным потолком. За длинным столом, покрытым зеленым толстым сукном, по правую руку от Сталина расположился Молотов, рядом с ним сидели Буденный и Ворошилов, а по другую сторону — Жуков и Шапошников. Здесь же, едва ли не касаясь локтями, устроились Берия с Абакумовым.

Маршал Конев невольно обратил внимание, что теперь рядом с портретами Маркса, Энгельса и Ленина висели портреты Суворова и Кутузова. Генералиссимус выглядел молодецкато, а вот фельдмаршал Кутузов отчего-то получился усталым.

Стол Сталина, стоявший в глубине кабинета, был завален всевозможными документами,

из-за которых проглядывала белая ручка аппарата закрытой системы телефонной связи. Сейчас хозяину кабинета до разложенных на его столе бумаг не было никакого дела, — внимание присутствующих занимала военная карта, разложенная на зеленом сукне. На самом углу стоял граненый стакан, откуда торчало с десятков острозаточенных карандашей, половина из которых были синими. Иосиф Виссарионович предпочитал их всем другим — любил делать пометки именно этим цветом. Маршал помнил все записи и все замечания, написанные размашистым, но разборчивым почерком. Как правило, они отличались лаконичностью, указывая на самую суть.

Вот беда, Иван Степанович никак не мог оторвать взгляда от карандашей, хотя понимал, что Хозяин предпочитает, чтобы во время разговора ему смотрели прямо в глаза. Не без внутреннего усилия маршал Конев перевел взгляд на Верховного и, перешагнув порог кабинета, бодро произнес:

— Разрешите, товарищ Сталин.

— Проходите, товарищ Конев, — кивнул Сталин и, указав на свободный стул, предложил: — Садитесь.

Когда маршал Конев сел, Иосиф Виссарионович заговорил вновь:

— Давайте перейдем сразу к делу... Как вы считаете, товарищ Конев, почему вам не удалось успешно развить наступление?

— Немцы сумели создать очень мощную эшелонированную оборонительную линию. В настоящее время работы тоже не прекращаются, немцы по ночам спешно возводят дополнительные инженерные укрепления, а в Яссы подтянули танки.

— Генерал пехоты Отто Велер, как никто другой, знает военное дело. Сколько именно подошло танков?

— Мне известно о шестидесяти танках. Двадцать танков «Пантера» и сорок танков «Тигр».

— Нам сообщили, что генерал-лейтенант Максимилиан фон Эдельсхайн дал на усиление генералу Велеру еще двадцать танков «Пантера», — дополнил ответ Иосиф Виссарионович.

Со Сталиным трудно было спорить: даже не в силу гигантской разницы между командующим фронтом и Верховным главнокомандующим, а потому, что он всегда получал информацию из различных, но самых проверенных источников. Всегда прекрасно представлял материал, о котором говорил докладчик. Никогда не терпел суеты, бывал точен в деталях. Поговаривали, что у Иосифа

Виссарионовича имеется и собственная разведка, получавшая сведения куда более точные, чем донесения, исходившие от военных агентов.

Разумнее было бы согласиться.

— Возможно, так оно и есть, товарищ Сталин, я располагаю иными данными, — сдержанно ответил маршал Конев и добавил: — Но я еще уточню.

— Обязательно уточните. Оперативная обстановка на фронте меняется каждый час, и мы должны быть в курсе всего.

Маршалу Коневу показалось, что в этот раз грузинский акцент у Сталина прозвучал особенно явственно. Верховный главнокомандующий подошел к своему столу, раскрыл пачку «Герцеговина флор» и неторопливо стал набивать трубку табаком. В комнате установилось напряженное молчание. Иосиф Виссарионович не торопился продолжать разговор, казалось, он наслаждается тишиной, позабыв о присутствующих. Наконец Сталин запалил табак, рассеяв по комнате душистый ароматный запах, и подошел к столу, остановившись напротив маршала Конева.

— За последнее время вы себя успешно проявили, товарищ Конев. Ставка считает, что Уманско-Ботошанская операция — одна из самых успешных за последние месяцы, причем на всех фронтах. Кажется, за месяц боев

войска под вашим командованием по распутице и бездорожью с жестокими боями прошли триста километров.

— Так точно, товарищ Сталин, — отозвался маршал Конев, собираясь подняться, но Иосиф Виссарионович небрежным жестом заставил его опуститься на место.

— Ставка решила поручить вам, как командующему Первым Украинским фронтом, новую задачу... Вам следует выйти на левый берег реки Вислы в районе города Сандомир и захватить там плацдарм, который позволит осуществить стратегическое наступление на правом фланге советско-германского фронта. Первый Украинский фронт, в свою очередь, будет готовиться к крупномасштабному наступлению на Западную Румынию. Сейчас Генеральный штаб занят детальной разработкой предстоящей операции. Она получила название Львовско-Сандомирская... Далее наша цель — освобождение Львова и всей Галиции. И Ставка очень надеется, что ваши действия будут столь же успешны, как и раньше. Но мы должны быть уверены, что нашим войскам никто не ударит в спину, а обстановка на Украине, судя по тем докладным запискам, что мне приносят едва ли не каждый день, очень непростая. Я правильно говорю, товарищ Абакумов?

— Так точно, товарищ Сталин! — мгновенно отозвался комиссар государственной безопасности. — Вот буквально сегодня мне доложили о том, что близ Поварска был застрелен Герой Советского Союза подполковник тридцать первой танковой бригады Герасимов. Кто-то, судя по всему, из местного населения, убил его ранним утром, когда он шел в расположение части. А в Немировке пропал без вести начальник отдела контрразведки семьдесят первой дивизии майор Севастьянов. Не проходит и дня, чтобы кого-то не убили из командного состава. Против военнослужащих Красной армии местными националистами проводится буквально террор! Мне офицеры рассказывают, что если им приходится квартироваться где-то в селах, то на ночь они кладут рядом с собой автоматы. Местному населению доверия нет, оно полностью контролируется бандеровцами.

— Вы не могли бы нам сейчас рассказать вкратце об обстановке, какая происходит на Украине? — попросил Сталин.

— В настоящее время на Украине действует сразу несколько повстанческих образований, враждебно настроенных к Советскому Союзу. В той или иной степени все они подконтрольны немецкому командованию и находятся под опекой «Абвера». Главные из них — это Укра-

инская повстанческая армия, или УПА, и Организация украинских националистов, так называемых бандеровцев. Между УПА и ОУН не все в порядке, существуют как личные неприязни, так и разногласия политического характера. Идет усиленная борьба за власть. С осени прошлого года началась массовая принудительная мобилизация мужского населения в Украинскую повстанческую армию. Среди них немало хорошо обученных бойцов, имеющих боевой опыт с партизанами. В настоящее время ситуация на Украине значительно обострится тем, что УПА полностью переходит под контроль украинских националистов.

— Это еще более непримиримый враг? — спросил Верховный главнокомандующий.

— Так точно, товарищ Сталин, многие из них прошли обучение в диверсионных и разведывательных школах «Абвера».

— Что же такое получается? Мы готовим важнейшую войсковую операцию по освобождению всей Украины, а у нас в тылу находится такой опаснейший враг! И этот враг всегда готов ударить в спину боевым частям. Кроме того, немцы совершенно не собираются сдаваться. Каждый отвоеванный метр земли поллит русской кровью, и у нас имеются серьезные основания полагать, что немцы в самое

ближайшее время предпримут значительные усилия для дестабилизации нашего тыла при помощи националистических украинских формирований, а затем попытаются перейти в наступление... Я правильно вас понял, товарищ Абакумов?

— Так точно, товарищ Сталин!

— Военной контрразведке «СМЕРШ» и Первому Украинскому фронту придется выработать совместное решение против украинских бандформирований. Даю вам три недели, чтобы обезопасить тылы Красной армии перед Львовско-Сандомирской операцией. Вы, товарищ Абакумов, оставайтесь, а остальные могут быть свободны.